

Заложница убийцы

Автор:

Ася Невеличка

Заложница убийцы

Ася Невеличка

- Так что? Ты приползла ко мне в дом, чтобы я защитил тебя от мужа? - он насмешливо вскинул брови.

- Нет, я прошу не защиты. Убей его.

Мужчина стоял надо мной и задумчиво рассматривал.

- Ты знаешь, что бывает за предательство главаря банды.

Это не вопрос - это утверждение.

- Знаю.

- Но ты расплатишься другим.

- Чем угодно, - соглашаюсь я. - Только спаси мою дочь.

Мать продала себя бандиту, чтобы спасти меня. Но я стала его заложницей. Заложницей убийцы.

Возле меня всегда были братья-близнецы, его сыновья. Боясь за мою жизнь, они перестали меня делить, и играли со мной вдвоем. Сначала в детские игры, а когда подросли, то игры тоже стали взрослыми.

Ася Невеличка

Заложница убийцы

Copyright © Ася Невеличка

* * *

- Так что? Ты приползла ко мне в дом, чтобы я защитил тебя от мужа? – он насмешливо вскинул брови.

- Нет, я прошу не защиты. Убей его.

Мужчина стоял надо мной и задумчиво рассматривал.

- Ты знаешь, что бывает за предательство главаря банды.

Это не вопрос – это утверждение.

- Знаю.

- Но ты расплатишься другим.

- Чем угодно, – соглашаюсь я. – Только спаси мою дочь.

Мать продала себя бандиту, чтобы спасти меня. Но я стала его заложницей.
Заложницей убийцы.

Возле меня всегда были братья-близнецы, его сыновья. Боясь за мою жизнь, они перестали меня делить и играли со мной вдвоем. Сначала в детские игры, а когда подросли, то игры тоже стали взрослыми.

Часть 1. Между двумя бандами

Глава 1. Побег

Дом погрузился в тишину. Валерия очень аккуратно вылезла из постели, на минуту замерла, дожидаясь, пока у мужа выровняется дыхание. На цыпочках прошла в детскую, беспрестанно шикая, подняла Мию, одела, взяла заранее приготовленный рюкзак с детскими вещами и вышла на террасу. Дошла до угла, прижимая к себе малышку, и спустилась по дополнительной лестнице вниз, застывая при каждом шорохе и звуке.

- Не плачь, солнышко. Сейчас мы доедем до дяди, и я уложу тебя в кроватку...

Голос прерывался от сдерживаемых слез. Валерия несла самое дорогое, что у нее было, к заклятому врагу мужа, но он единственный мог им помочь, всем помочь. Никто другой не в состоянии противостоять влиянию ее мужа.

- Мы едем в гости? - пролепетала пятилетняя дочь, когда мама поставила ее на ножки и взяла за руку.

- Да, маленькая, в гости.

- Без папы?

- Папа спит.

- Ты не взяла с собой папу?!

- Тише, Мия. Папе надо отдохнуть, мы одни поедем в гости.

Только в конце улицы Валерия вызвала такси, назвала адрес и снова прижала к себе малышку. Господи, только бы Владимир выслушал ее, только бы согласился спасти ее дочь!

- Вы уверены, что вам в тот дом? – озабоченно спросил таксист, поворачивая на последнем перекрестке в тупик.

- Да. А вам лучше забыть, что принимали этот вызов, – как можно тверже проговорила Валерия, протягивая двойную таксу.

- Уже забыл.

Такси уехало, а она с дочерью на руках осталась перед закрытыми коваными воротами.

- Гости тоже спят, мам. Поедем домой. Я тоже буду спать.

- Сейчас-сейчас, маленькая.

Телефон она с собой не брала, чтобы никто из шестерок мужа не смог отследить ее путь и найти их. Звонка на воротах не было. Да и кто в своем уме пришел бы в дом к главарю банды и стал названивать в ворота?

От досады пнув ногой ворота, Валерия подпрыгнула от многоголосого лая сбегающих со всей территории собак.

Мия от испуга заревела. Валерия просто не предусмотрела такой вариант. Ее муж Анатолий доверял технике и сигнализации. Нашпиговал все камерами и датчиками, которые его жена сумела отключить, заранее готовясь к побегу.

А вот Владимир технике не доверял.

Ходили слухи, что его жену выкрали и убили ради шантажа, как раз обхитрив охранную систему. С тех пор Владимир доверял только цепным псам. И людей подбирал таких же, без жалости в сердце.

Валерия долго считала, что ее муж лучше, человечнее, пока не узнала его планы. Оказалось, что она ошибалась в мужчине, которого любила, в которого верила, и которому подарила принцессу.

Если Владимир – жестокий, то ее Анатолий – беспринципный и аморальный. И неизвестно еще, кто хуже...

– Кто?!

– Я... Мне нужно поговорить с Костровым.

– Пошла нахрен, шлюха, пока не пристрелил.

– Я – Боярова... От Боярова! Срочно!

– А, черт!..

Собаки продолжали отчаянно лаять, но по периметру включились прожекторы, по рации охранник вызвал подкрепление. Ещё минут пятнадцать оттаскивали собак, прежде чем ворота открылись и на нее наставил автомат огромный накачанный парень в форме и броне.

– Владимир Борисович, баба. С ребенком.

– Разрешите мне поговорить с ним, – Валерия уверенно протянула руку к рации.

Она вообще все делала уверенно, хотя внутри трясло от страха и напряжения.

Охранник оглянулся на ребят поодаль, сдерживающих на цепях рвущихся собак, посмотрел на зареванную и перепуганную маленькую девочку, жавшуюся к ноге женщины, и только потом протянул рацию, показывая на какую кнопку нажимать, чтобы говорить.

– Владимир, это Валерия Боярова. Я прошу защиты.

Рация захрипела, зашипела, потом раздалось короткое слово:

- Пропусти.

И Валерия выдохнула, подхватив Мию на руки.

- За мной, - распорядился охранник и, не оглядываясь, успеваешь ли женщина с ребенком, пошел к дому по подъездной дороге.

В дом мужчина с автоматом не зашел, за пять метров передав гостей внутренней охране. Те, не церемонясь, разделили мать с дочерью, снова зашедшейся в плаче, стянули верхнюю одежду, проверяя не только приборами на наличие датчиков, но и прощупывая каждый сантиметр.

- Чисто.

- Чисто.

- В дом.

Не дав одеться, их втолкнули в холл. Прозвучал следующий бездушный приказ:

- Раздевайтесь.

Валерия растерялась, ведь пальто с них сняли еще на улице.

- Догола, - пояснил мужчина в костюме, даже не пытаясь спрятать свое оружие.

- И дочь?

Кивнул.

Спорить бесполезно. Её просто не пропустят к Владимиру, пока не убедятся, что она ничего на себе не принесла.

Сначала она раздела Мию, нашептывая успокаивающие слова, обещая сейчас же выделить комнату и уложить ее в постель. Уговаривала не плакать и потерпеть. Потом сама сняла с себя платье, колготки.

- Нижнее тоже.

Неуютно поёжилась, но стащила бюстгальтер и трусики.

Её повертели, проверяя подмышки и проводя ладонью между ног. Валерия сцепила зубы, стерпела. Потом проверили Мию.

Только тогда кинули ей халаты и передали по рации: «Добро».

- Неожиданный визит, Лера, - вдруг раздалось с верхнего яруса лестницы. - Тем более любопытно, зачем.

- Доброго вечера, - ответила Валерия, задирая голову, чтобы встретиться взглядом с хозяином особняка.

- Скорее уж ночи, а вот будет она доброй, или нет... Анатолий гонится за тобой? - ирония из голоса пропала, слышались стальные нотки, от которых по телу неизменно бегут мурашки ужаса.

- Нет. Он не знает, что я ушла.

- Ушла с дочерью? - скептически изогнутая бровь. - Как добралась?

- Сбежала. На такси.

Костров тут же повернул голову к мужчине, стоящему рядом с ними внизу:

- Найти, убить.

- Он не скажет, - попыталась вступиться Валерия, но было поздно, приказ уже пошел по рации к исполнителям.

Впрочем, она знала, что подписывает приговор таксисту, когда садилась к нему в машину. Если не Владимир, значит, Анатолий.

- Поднимайся. Поговорим наверху.

А вот это было почти царское предложение, принять гостей в личных апартаментах верхнего этажа, а не в кабинете внизу, где обычно проходят все встречи.

- Девочка... Успокой ее, она перебудит весь дом, - бросил Владимир, ступая на два шага впереди Валерии.

- Я думала, собаки уже всех разбудили. И напугали Мию.

- Мия? - Владимир оглянулся через плечо. - Сколько ей?

- Пять.

- Моим восемь.

Валерия кивнула, она знала. Как жена главаря второй банды, она не могла не знать, что у Владимира есть дети, мальчики-близнецы.

- Если можно, теплое молоко...

- Можно, - на половине фразы прервал ее хозяин и щелкнул пальцами.

За спиной снова раздалось шуршание рации и короткий приказ.

Гостиная, куда привел их Владимир оказалась маленькой, уютной, явно домашней. Диван, два кресла, небольшой столик и огромный телевизор на стене. Стены отделаны деревянными панелями, на высоких окнах - плотные тяжелые шторы.

- Занимай диван и возьми плед. Если девчонка уснет, нам проще будет разговаривать.

Валерия кивнула, полностью согласная с заключением мужчины.

Она сняла ботиночки с дочери, сразу же усадила ее на диван, с благодарностью приняла чашку с молоком и передала Мии. Пока дочь пила, слушая увещевания матери, Владимир сидел в кресле напротив, сцепив пальцы и внимательно разглядывая Леру с дочерью.

Он не уйдет, пока не узнает, зачем она здесь, даже если разговор состоится только ближе к утру.

Но, разморенная теплом и молоком, Мия свернулась клубочком на диване и засопела. Валерия по инерции покачивала ее, но дочь уже спала.

– Я жду, – напомнил о себе хозяин.

О чем ему рассказать? Как начать этот разговор?

– Владимир, я пришла к вам, потому что никто не сможет помешать моему мужу, кроме вас, – начала Валерия.

Тот склонил голову, но не произнес ни слова.

– Я узнала планы мужа по вакцинации областного масштаба.

– Есть такое дело, – кивнул хозяин. – Это вроде как благотворительность Толяна.

– Не совсем... Он давно скупил партию вакцины, и она подходит к концу по сроку годности, но ежегодной эпидемии так и не объявили.

– Дальше.

– Толя заказал искусственный вирус, чтобы распылить над городом и втридорога избавиться от вакцины.

Хозяин снова кивнул:

– Обычный способ. Я здесь при чем?

– Его лаборанты не справились с задачей, – поморщилась Валерия. – То, что они успели сделать, убьет половину населения.

– Хм...

– Я пришла просить спасти город, детей, – тут голос Леру подвел, – от моего мужа.

Вот она и закончила.

Владимир откинулся на спинку кресла, хотя до этого сидел, наклонившись к Валерии. Между ними повисло молчание. Он думал. Она ждала.

– Верить или не верить, вот в чем вопрос, – наконец заговорил Владимир. – Это может быть гениальный план Толяна, подсунуть ночью тебя ко мне. Но он вряд ли отдал бы мне свою принцессу...

Лера ждала. Ей нельзя прерывать главу, пока он говорит и не спрашивает.

– Но ты с дочерью... Знала, что я могу расстрелять тебя у входа, и тогда Анатолий не разбираясь начал бы войну, пока не перебил бы мою семью и меня в придачу.

Хозяин помолчал.

– Мне надо подумать. Если это подстава, то ты останешься с девочкой в заложницах. Если Толян реально из-за партии вакцины готов отравить весь город, то я сначала проверю информацию, а ты пока останешься моей заложницей.

– Я согласна.

– У тебя нет выхода, Лера. Тебе некуда идти. Он убьет тебя только за то, что ты вышла из его дома! И даст на растерзание собакам за то, что увела с собой его дочь.

Валерия это отлично понимала. Убегая от мужа, она искала защиту дочери, не себе.

– Оставайся в этой комнате. За дверью будет охранник, если что понадобится, скажешь ему.

Лера кивнула и выдохнула. Владимир встал и помедлил. Потом медленно, в два шага, подошел к ней, заставляя Валерию задрать голову, чтобы видеть его лицо.

– Ты красивая, – голос исказился хрипотцой, рука поднялась, скользнула по щеке, задев костяшками шею, опустилась по вырезу вниз, раздвинув полы халата на груди, и крупная мужская ладонь сжала нежную женскую грудь с темным соском, ставшим крупным после кормления.

Лера закусила нижнюю губу, но удержала возглас. Это не тот дом и не тот человек, которому можно что-то запретить. И она сама пришла!

Пальцы поиграли с соском, который заломило от грубых прикосновений. Он набух, посылая телу сигнал, сделался тугим как камешек.

– Он все равно убьет тебя, а я хочу тебя, – договорил Владимир, и Лера напряглась. – Но не сегодня. Сначала все проверю. Отдыхай.

Он вышел ни разу не оглянувшись, а в сердце Валерии затаилась надежда. Если она продаст себя Владимиру, то только за клятву сохранить жизнь Мии! И, кто знает, может, он захочет и Валерию оставить себе?

Утром их неделикатно подняли и вытолкали из гостиной комнаты. Оказалось, на завтрак, хотя Валерия была уверена, что сейчас начнутся пытки. Владимир в столовой не появился, предоставив им с дочкой спокойно начать утро.

Йогурт, молоко, масло, джем и тосты. Тут же коробка с детскими хлопьями, к которым потянулась рука Мии. Валерия всегда следила за рационом ребенка, но сегодня не стоит воспитывать и запрещать. Никто не знает, сколько они еще пробудут вместе, а Лере не хотелось запомниться плохой мамой.

– Будешь хлопья? Подожди, залью их молоком.

Мия уплетала получившуюся кашу, благосклонно соглашаясь еще на тост с джемом, но от сока и фруктов отвернулась, скорчив мордочку.

Валерии от волнения кусок в горло не лез. Она заставила себя съесть половинку тоста и запить кофе. Скорее бы ее положение решилось, быстрее бы Владимир все проверил и вынес вердикт.

К концу завтрака дверь отворилась и вошла женщина в форме неопределенного возраста.

– Я гувернантка. Владимир Борисович приставил меня к вашей дочери. Я заберу ее наверх.

– Нет! – Лера ответила раньше, чем подумала.

Пока она жива – никто не отберет ее ребенка!

Она стащила удивленную Мию с высокого стула, взяла на руки и прижала к себе.

– Она останется со мной.

– Нет, ты отдашь ее няньке и пойдешь со мной.

Голос был холодным и сердитым. Хозяину она перечить не могла.

Поставила Мию на ноги и опустилась перед ней на колени.

– Ты пойдешь с этой тётёй и будешь послушной девочкой, хорошо? Мама скоро вернется и поиграет с тобой.

– Хорошо.

Мия обняла Леру за шею, поцеловала в щеку и беззаботно, в припрыжку поскакала к гувернантке. Вот Лере бы такую беззаботность! Но нет, ее сердце сжимается каждый раз, когда она думает о будущем.

Владимир, ни слова не добавляя, развернулся и пошел в другое крыло, через холл, к кабинету. Лера еще раз оглянулась на свою излишне доверчивую дочь, которая уже взяла за руку чужую тётку и начала рассказывать ей свои детские секреты.

- Не переживай. Она знает, что ей голову снимут, если с девочкой что-то случится.

Лера вздохнула. Да, она знала правила этого мира, с какой легкостью здесь летят головы и пули в сердце, но ее тронула забота Владимира о дочери. Она не ошиблась, придя за помощью к нему. Он точно поможет, когда она убедит его помочь.

- Садись, - хозяин махнул рукой на диван, но Лера выбрала кресло.

Вроде мелочь, но он заметил, приподнял бровь, отчего уголок рта дрогнул, будто насмехаясь над ней. И следующей фразой Владимир подтвердил:

- Таксиста нашли, след оборвали. Если Толян ищет тебя, то не найдет.

Лера не стала спрашивать, что сделали с таксистом. Она знала.

- Хорошо, - с трудом проглотила решивший вернуться завтрак. - А что с вакциной, ядом и детьми?

- Проверяем. Пока я только убедился, что тебе хватило дурости сбежать от мужа и сдать мне.

Валерия побледнела и опустила голову. Она прекрасно знала, чем карается предательство в их мире, и отдавала отчет, какой шаг делает.

- Это ради детей, - прошептала она.

- Ради чьих-то чужих детей ты решила пожертвовать жизнью? Своей и дочери?

- Её - нет. Своей - да. Но ты же спасешь Мию?

Валерия подняла на него глаза, увидела, как издевательски он улыбнулся, откидываясь в кресле за рабочим столом. Неужели ошиблась?

Она долго обдумывала, к кому обратиться за помощью. Местная полиция сразу отпала, там обе банды имели своих, могли быстро все замять и избавиться от бабы-дуры.

По той же причине отпали государственные органы, все выборы проводились из общака того или другого бандита, политиков спонсировал либо Анатолий, ее муж, либо Владимир. Это была вообще их игра в шахматы, кому органы самоуправления будут принадлежать следующие четыре года до переизбрания. Причем если побеждал один, то второй обязательно собирал оппозицию и часто доводил верхушку власти до отставки досрочно.

Наверное, поэтому Валерия подумала, что можно обратиться к единственному сопернику мужа – к Владимиру.

Они вынужденно делили территорию на двоих, не решаясь переступить негласные законы и соглашения. Оба не хотели войны на своей территории. Каждый ждал, когда оступится другой.

И каждый в тайне мечтал единолично завладеть всей территорией и объединить две банды в одну. Абсолютная неприкосновенная власть!

Лера играла на алчности и искушении соперника. Предав мужа, она развязывала войну между бандами. Кто-то один останется главенствовать над территорией. Только она этого уже не увидит.

– Раздевайся, – отрывисто бросил Владимир, пожирая ее глазами.

– Здесь? Сейчас? – руки против воли задрожали.

– И не болтай.

Их вещи им так и не вернули, Валерия неуверенно взялась за пояс халата и снова посмотрела на Владимира. Он ждал и передумывать не собирался. Значит, это его цена за услугу... Она её отдаст.

Медленно развязала пояс и спустила халат с плеч. Владимир продолжал сидеть, не двигаясь.

Что дальше? Ждать приказа? Самой проявить инициативу? Что он от нее хочет?

В утреннем свете из окна Валерия видела, как меняется лицо мужчины, тяжелеют веки, темнеют глаза, раздуваются ноздри, дыхание становится резче. Он хочет ее, ему нравится ее тело.

Может, это шанс?..

Сколько продолжалось это разглядывание? Валерии показалось, целый час, хотя сейчас время странно себя вело, то спешило, то подводило.

Мужчина вышел из-за стола, обошел его и присел на столешницу. Лера опустила взгляд на оттопыренную ширинку, перевела дыхание. Она знала, на что шла, но до этого момента старалась не думать о близости с другим мужчиной. С самого начала у нее был только Анатолий, первый и единственный. По-другому быть просто не могло.

- Ты изменилась. Я помню тебя девчонкой...

Голос Владимира царапал хрипотцой, а Валерия поморщилась. Он не мог помнить ее девчонкой. Анатолий ввел ее в свой мир в восемнадцать, в девятнадцать она забеременела и в двадцать родила. Владимир мог запомнить ее невестой, потому что был приглашен на их свадьбу. Запомнил ту худую, нескладную, запуганную девчонку.

Сейчас от той девчонки не осталось ровным счетом ничего. И тело Валерии изменилось после родов и грудного вскармливания.

- Сейчас ты невероятно красивая, - на выдохе произнес мужчина, и тут же его голос изменился, в нем прорезались стальные нотки. - На колени.

Вряд ли в сексе он мягкий, Валерия зря надеялась.

Медленно опустилась перед ним на колени, запрокинула голову, почувствовав в волосах его пятерню. Помассировал, сжал, натянул волосы за корни и прижал ее лицом к оттопыренной ширинке.

– Возьми его.

Валерия осторожно взялась за замочек молнии и потянула вниз. Все это время Владимир держал ее за волосы и наблюдал.

Нижнего белья на нем не было. Восставший член сразу вывалился из расстегнутой ширинки, и Лера нервно сглотнула, поднимая глаза на мужчину.

– Хочу, чтобы взяла его до основания. Не будешь стараться, все равно вгоню на всю длину.

Она быстро провела языком по губам. Анатолий иногда принуждал ее к минету, но она делала неумело, терпение мужа кончалось довольно быстро, он просто разворачивал ее раком и трахал.

То, что Владимира не остановит ее неопытность, Лера не сомневалась.

Перехватив ствол Владимира, девушка еще раз облизала губы. В горле пересохло, но просить воды в такой момент было невероятной глупостью.

– Лижи его. Ну же!

Член в ее руке пульсировал, на головке выделилась капля прозрачной тягучей смазки. Лера никогда не была азартной фанаткой интимных игр. Анатолий постоянно зависал по делам, удовлетворял свои прихоти со шлюшками, практически полностью забив на Леру после беременности. Но она была даже рада. Перебороть брезгливость и ублажать мужа после шлюх было выше ее сил. А за кислую физиономию она могла отхватить пощечину.

Член главаря другой банды пугал размерами, но еще был ее искуплением, платой за жизнь дочери и, может быть, её. Поэтому она постарается, засунет свою гордость и брезгливость подальше.

Валерия высунула язык и, чувствуя полные набухшие венки на бархатной коже, с оттяжкой провела им по стволу до лоснящейся от смазки головке.

- Еще, - прохрипел Владимир, и давление на затылок Валерии усилилось.

Она перехватила член у основания и сделала движение рукой, натягивая нежную кожицу по твердому стволу на налившуюся головку, выдавливая из мужчины мучительный стон.

Странно, что Владимир не пытался скрыть от нее свою чувственность, Анатолий боялся потерять лицо даже в постели, наедине со своей женой. Валерия была уверена, что и шлюх он брал с каменным, ничего не выражающим лицом.

А ей неожиданно понравилось, что мужчина перестает контролировать свои реакции, оказавшись в ее руках.

Следующий жест она сделала смелее, смыкая кожицу сверху и размазывая смазку по всей поверхности, наклоняясь над пунцовой головкой и вбирая ее в рот.

Вкус ударил по рецепторам. Muskusный, солоноватый, чужой... Лера отпрянула, пытаясь уговорить себя принять и это вторжение тоже. Вкус другого мужчины.

Владимир закатил глаза и откинул голову, фактически отдаваясь в ее руки. Сейчас он совершенно не защищался от нее. Будь в ее руке нож, она в мгновение ока могла бы перерезать ему горло!..

Но рука инстинктивно сжимается вокруг твердого члена, Лера горько насмехается над своими мыслями, потому что она здесь за помощью, а не для мести. От здоровья и благополучия этого мужчины зависит жизнь ее дочери. И если бы Лера была сильной и смелой, как в своих мечтах, то собственноручно вспорола бы горло другому человеку. Своему мужу!

Пару раз проведя рукой по члену, Валерия склонилась к головке и обхватила ее губами, пару раз мазнув языком и снова почувствовав вкус. Теперь он не казался отвратительным.

Владимир издал горловой звук, от которого завибрировало в груди Леры, потом надавил ей на затылок, скользнув членом глубже. Но Лера увернулась, и головка натянула ей щеку.

- Двигайся.

Владимир убрал руку, упираясь ими на стол по обе стороны от себя, в то время как Лера осталась стоять на коленях между его ног. Никакого давления, никакого принуждения, только послушание на ранее полученный приказ.

Валерия старалась. От ее старания зависело слишком много. Насколько Владимиру понравится, насколько он подсядет на нее - настолько дольше она проживет. Не надо заблуждаться на этот счет. В этом мире законы жестоки.

- Да, девочка... Чер-р-рт...

Лера понимала, что резкости и глубины не хватает, что Владимир поддает бедрами, чтобы поймать ускользающее ощущение.

Она сама взяла его руку, положила на голову и послушно обхватила головку губами, готовая на все.

Владимир понял. Он скользнул костяшками пальцев по ее скуле, обхватил голову двумя руками и насадил, удерживая, чувствуя, как ее горло сопротивляется вторжению. Отпустил. Наматывал волосы, пока Лера откашливалась и пыталась отдышаться.

Она не сдавалась. Член снова был во рту, и пару движений она совершила сама. Теперь глубже, увереннее. Передала инициативу мужчине, снова задыхаясь от резких, нетерпеливых движений.

Но он чувствовал, отпускал, позволяя ей отойти, облизать напряженную головку и снова отдаться в его руки.

Так долго она минет никогда не делала. Муж уже раз пять перекинул бы ее на стол и трахнул. Но Владимир упорно таранил рот, добиваясь полного и безоговорочного погружения. Лера терпела, принимала, старалась, чтобы чтобы

паузы были меньше и короче.

По напряжению мужчины, по резким сжатиям пальцев в ее волосах она понимала, что он близок. Рывок, еще, и хриплый стон над головой, распространяющийся во рту вкус горячего семени, и дрожь раздавшейся еще больше головки.

Всё. Конец. Она отработала.

Лера отодвинулась от паха мужчины, но с колен подниматься не стала. В его руках появилась салфетка, которой он вытер член и заправил его в брюки. Потом вторая, которую он протянул Валерии.

– Парни купят вам пару шмоток на смену. Из дома не выходить, к окнам не подходить. По дому не гулять. Придешь, когда позову.

Она вытерла уголки губ, посмотрела вверх:

– А Мия?..

– Будет с тобой, под присмотром. И с нянечкой, когда ты будешь со мной.

– Спасибо.

Владимир ушел, только тогда Валерия поднялась с колен. Судя по его планам на нее, пока она под защитой, и это главное!

Глава 2. Тёмная ночь

– Я хочу гулять! – Мия ныла не переставая, а после того, как Лера насильно оттащила дочь от окна, еще и топала ножкой, каталась по полу, требуя к себе повышенного внимания.

– Малышка, нельзя. Это не наш дом, не наш сад. Мы здесь в гостях и должны слушаться хозяина.

– Я не хочу больше в гости! Отвези меня домой! Я хочу гуля-я-ять!

Валерия пыталась отвлечь дочь принесенными игрушками, паззлами, рисовальными наборами, но её внимания хватало ненадолго.

– Я хочу к папе! К папе! К папе!

Валерия с беспокойством смотрела на Мию. Никогда раньше она не замечала, что дочь так привязана к отцу. Мия больше времени проводила с матерью, отца мельком встречая по вечерам за ужином, иногда в выходные дни и в праздники. Анатолий не игнорировал дочь, всегда радостно подхватывая малышку, подкидывал и восхищался своей принцессой. Он баловал Мию, задаривая ее подарками. Всё, что ни попросит – от папы отказа не было.

Но как это может понимать пятилетний ребенок? Как она может привязаться и любить человека, который, по сути, откупался от нее подарками, а не дарил внимание, не посвящал ей свою жизнь?

О ком Мия будет жалеть больше, о матери или об отце, когда их не станет?

– К папе нельзя, – довольно резко ответила Валерия, поднимая дочь на руки. – Мы останемся здесь, и ты должна будешь слушаться дядю Володю как папу.

– Не хочу! Пусти!

Мия вывернулась из рук и побежала к двери. Валерия ринулась за ней, но поймала уже в коридоре, от ужаса чуть не сбивая дочь, внезапно застывшую посередине.

Владимир строго сказал «под присмотром», и если Лера не справится с дочерью, потеряет ее раньше! Он отдаст Мию няньке!

– Никогда!.. Слышишь? Никогда не выходи из комнаты, или поставлю в угол! – срывающимся шепотом выговаривала Валерия дочери, пытаясь взять ее за руку

и увести обратно.

– Кто они?

Указательный палец Мии взметнулся вперед, обращая внимание матери на двух мальчиков, удивленно разглядывающих гостей.

Вот черт.

– Мия, пойдём.

– Нет! – она вырвала руку. – Я хочу с ними поиграть! Ребята, у меня есть много машинок. Пойдите ко мне играть?

Валерия подхватила Мию и быстро унесла в комнату, закрыв дверь изнутри.

Она снова дрожала, не зная, чем может закончиться столкновение ее дочери с близнецами Владимира.

Вечером, когда Лера читала сказку на ночь для Мии, в комнату вошла няня.

– Владимир Борисович вызывает вас в кабинет. Я уложу девочку.

Валерия вздрогнула, стягивая халат у ворота. Нет, она знала, что он позовет, но не знала, зачем на этот раз. Из-за детей? Из-за вакцины? Или?..

– Вам не принесли вещи? – поморщился Владимир, стоило только ей переступить порог. – Даже лучше.

Валерию проводили к нему в кабинет на первом этаже. Тут не было ни диванчиков, ни столиков для напитков, только длинный стол, стены, обитые деревянными панелями, за которыми наверняка скрывались тайники.

В таком же кабинете ее мужа за панелями был спрятан железный шкаф с оружием, сейф и два потайных выхода. Лера почти уверена, что у Владимира здесь тоже что-то подобное.

Она не дошла до мужчины, когда он поднялся и двинулся к ней навстречу. В несколько шагов настигнув Валерию, мужчина остановился, резко раздернул полы халата на ней, выдохнул и прижал телом к стене у двери.

Все слишком быстро и молча. Лера не успевала за ним и его возбуждением.

Он подхватил ее колени, заставив закинуть ноги себе на талию и почти сразу же вошел. Лера сцепила зубы, но не издала ни звука. Это еще ничего. Пусть крупноват и резок, но хотя бы все классически. Морально Валерия была готова ко всему, и к пуле в лоб, и к развлечению всей банды по кругу. Он мог поступить с ней как угодно. Выйдя за порог своего дома, она перестала быть под защитой, ступив за порог Владимира, она перестала быть человеком.

И они оба это понимали.

Владимир неистово удовлетворял свою страсть. Вжимал Леру в деревянные панели и грубо вбивался, удерживая ее за бедра, чтобы входить еще глубже, выбивая из девушки произвольные хрипы.

Несколько тесных, жестких минут, и мужчина протяжно зарычал, пряча лицо в изгибе шеи Леры и замирая. Но внутри она еще чувствовала его напряжение и полноту. Он не заботился о предохранении, и в ее ситуации это было нормально...

Владимир отстранился, полой халата вытирая член и тут же стирая капающее из нее семя. Лера поежилась, но тут же наткнулась на суровый взгляд бандита. Попыталась улыбнуться. Не получилось. Губы против воли скривились в гримасе.

– Прости, что взял сразу у двери, – вдруг хриплым голосом проговорил он. – Я думал о тебе весь день. Не сдержался.

– Ничего, – еле слышно прошептала Лера, не зная, то ли прикрыться испачканным халатом, как это ни противно, то ли дальше стоять перед ним обнаженной.

Но нагота Владимира не смущала, он слишком пристально следил за Лерой, лаская взглядом обнаженную грудь, линию округлого живота, изгиб красивых

подтянутых бедер. И абсолютно плевал на то, что член до сих пор торчит из ширинки, полунапряженный и все еще большой.

– Ты меня волнуешь, – неожиданно признал Владимир, подхватывая Леру на руки и пересаживая на стол. – Я не думал, что так заведусь только от мысли, что буду трахать чужую жену.

Жену соперника, могла бы добавить Лера, но благоразумно промолчала.

Жесткое мужское тело вклинилось между ног, губы накрыли ее, и она ощутила вторжение языка.

Поцелуй. Вчера Валерии показалось, что их отношения будут строго в рамках дающего-берущего, она готовилась к тому, что ее будут использовать во всех смыслах.

Но поцелуй?

Неловко попробовала ответить, просто чтобы понять, насколько ее инициатива допустима. Владимир довольно заурчал, еще теснее вжимаясь в ее тело, обхватывая затылок крупной кистью и не давая уклониться от затяжного поцелуя.

Она не думала, что может настолько увлечься, потерять голову, забыть, где находится и почему. Живот скрутило еще неосознанной потребностью, и Лера сама сползла, прижимаясь текущими складками к напряженному органу Владимира.

Он снова хотел ее, но не торопился взять. Владимир терзал ее губы, вырывая протяжные голодные стоны. Лера даже не подозревала, что так может стонать!

Она елозила задницей по столу, специально задевая налитый член, терлась раскрытыми нижними губами о головку, вздрагивая, когда та задевала клитор.

Тысячи мелких искорок загудели по венам, электризуя ее тело и делая его предательски слабым и податливым. Лера никогда не понимала похоть, а сейчас сгорала от желания, раскрываясь для этого мужчины, доверяясь ему снова, на

этот раз гораздо сильнее.

Второе вторжение было долгожданным. Валерия откинула голову и вскрикнула, сама обвивая талию мужчины и опираясь руками о стол, когда он приподнимал ее за ягодицы и рвано входил на всю длину.

Только теперь, с чужим, опасным, возможно, со своим убийцей, Лера начинала понимать магию близости.

Так это не ради детей? Не только для них?

Удовольствие могут получать не только мужчины и шлюхи, но и простые жены?

И тут ее скрутило. Тело перестало слушаться, ноги и руки задрожали, беспорядочно цепляясь и отталкиваясь от всего, до чего доставали, а Лера кричала от спазмов внутри себя на стыке соития с бандитом. Каждый его толчок только усиливал ее сладкую агонию, делая голову абсолютно пустой и легкой.

Господи боже... Никогда с мужем она не... Никогда... Только теперь, когда изменила ему, а по сути, стала шлюхой.

Вслед за сказочными ощущениями оргазма она зарыдала, не в силах сдержаться от разрывающих эмоций. Их было слишком много. Они были слишком противоречивы. И меньше всего Валерия думала, что они настигнут ее в такой неподходящий момент.

– Останешься сегодня в моей спальне, – прохрипел Владимир, удерживая ее. – Я отнесу.

– А Мия?..

– С ней нянька.

Владимир подхватил Леру на руки, как пушинку, и вынес из кабинета. Они поднялись на второй этаж, в жилое крыло хозяина, он ногой открыл дверь, внес ее в свою спальню и бросил на кровать.

Лера подобралась, пытаясь стянуть полы халата.

– Оставь его. Сними. Идем в душ.

Лера замерла. В душ? С ним?

– Идем.

Последнее уже звучало приказом. Лера сползла с широкой постели, скинула халат, не зная куда его деть и снова смущаясь от пристального взгляда мужчины.

Тот молча взял ее за руку и повел к дальней двери в стене. Туалет, большая душевая кабина, сауна, и дальше, напротив окна, джакузи.

Все роскошно, выделано мрамором, масштабно. Потому что даже в личной жизни главари обязаны поддерживать свой авторитет. Это Валерия понимала.

– В душ, – коротко распорядился Владимир, направляя ее в кабинку. – Можно было наполнить джакузи, поваляться, но... В другой раз.

С этим тоже лучше согласиться.

В душе мужчина не собирался отстраняться, все сводилось к тактильному знакомству его рук и губ с ее телом. Сначала она вздрагивала, чувствуя его пальцы в неожиданных для себя местах. Но по тому, как Владимир на нее реагировал, Леру снова затапливало обманчивое чувство власти над ним.

Нет, никакой власти не было и в помине, но она видела, как он вожделеет ее, как рокочет грудным голосом, касаясь ее, как трется щетиной о нежную кожу, а потом зализывает ссадины, как жадно обхватывает сосок и втягивает в рот, сжимая ее податливое тело, вжимаясь в него.

Лера не представляла, что мужчина может быть настолько пылок и неутомим. Но ей нравились ощущения трущегося о бедра члена, упирающегося в низ живота или скользящего по складкам между ног, но не проникающего внутрь. Но этот танец вокруг ее естества завораживал. Вряд ли она сама заметила

грань, которую переступила, начиная отвечать на ласки Владимира, подставляя себя под его руки, губы, открываясь на каждое движение члена и легко, просительно насаживаясь на него.

– Нет, идем в постель, – прохрипел мужчина, отстраняя ее, снимая с перекладин полотенца и вытирая ее тело.

Сам поспешно стер падающие с волос капли, отбросил полотенце и снова подхватил Леру на руки.

В постели все было очень классически. Она лежала на спине, а он сверху. Это было... обычно. Даже немного разочаровывало. После испытанного внизу экстаза невольно хотелось повторения. Такой же страсти, звериной похоти, резкости и, может, чуть-чуть грубости.

Но Владимир помыл ее, уложил на постель и теперь устроился между ног, дразня крупной головкой вход во влагалище. Лера поёрзала, но мужчина отклонился, не позволяя насаживаться на член. Он сдерживал вес на локтях и смотрел Лере в глаза.

– Я буду трахать тебя как хочу, но ты не смей даже сравнивать меня с ним. Поняла?

Слова напугали. Как он догадался о ее мыслях?

Она качнула головой, принимая новые правила и тут же задохнулась от резких непередаваемых ощущений, когда Владимир толкнулся в нее.

Вот же черт! Его размеры она не учла. Даже в классической позе он будет куда лучше ее мужа...

Но, как и в прошлый раз, Лера снова перестала соображать под его ритмичные удары, цеплялась пальцами за плечи, оставляя длинные неглубокие порезы, стонала и выгибалась, не в состоянии понять, чего она хочет сильнее, умереть от того, как он ее берет, или от того, что не доводит начатое до конца.

Она боялась того, что начинала чувствовать, она видела, как с каждой близостью между ней и Владимиром меняются отношения. Не получалось у Леры оставаться равнодушной во благо дела, не выходило быть отстраненной, когда мужчина втягивал ее в процесс.

Вот и сейчас Лера бесстыдно текла, цепляясь за Владимира, подставляя его требовательному рту свои губы, произвольно охая в них и задыхаясь от нарастающего напряжения внутри.

Всего лишь мужчина, всего лишь берет, но почему она сходит с ума, когда отдается?

Последние жесткие рывки Владимира спустили курок, и она выстрелила сначала сокрушающим залпом, от которого в голове не осталось ни одной мысли, потом мелкими очередями, на грани сознания ощущая удовольствие мужчины и его потрясение от близости.

Если бы только Лера знала, что секс может быть таким!.. Если бы!..

Но это не про нее и не про ее жизнь.

Спустя минут пятнадцать, когда она пришла в себя, удобно устроившись под боком Владимира, попыталась отодвинуться. Он не позволил.

– Я, наверное, пойду, – неуверенно пролепетала Лера, прекрасно понимая, что нарушение личного пространства во время близости, и нарушение его после секса, когда у них нет никаких отношений, это не одно и то же.

– Оставайся.

Голос прозвучал устало и расслабленно, но это совсем не значило, что Владимиру можно было перечить.

Этой ночью Валерия спала рядом с ним. Утром, без всякого перехода от сна к бодрствованию, он снова взял ее. Прижимаясь к ее спине, лежа на боку. Член скользнул между ягодиц и потерся головкой о чувствительные губы. Лера, не просыпаясь, выгнулась и застонала, но ему хватило этого томного изгиба, чтобы

нырнуть вглубь и мерно, неторопливо задвигаться в ней, провоцируя непристойные образы в непробудившейся девушке.

Проснулась она от первого жаркого спазма, вскрикнула, распахнула глаза и почти вырвалась их обхватывающих рук мужчины, сжимаясь, обхватывая колени руками, чтобы пережить сладкие конвульсии.

Владимир не останавливался, продолжая входить в нее, ударяя теперь глубже, пронзая ее резче. Оргазм Леры не мешал его движениям, а поза делала проникновения еще острее.

Лера заходила в оргазме и криках, параллельно всхлипывала и тискала подушку, вытащенную из-под головы. И на очередном витке невыносимого удовольствия, когда напряженная головка готова была вот-вот взорваться и разорвать Леру изнутри, в спальню с криками влетели мальчишки.

– Твою мать! – сдавленно зарычал Владимир, пойманный в самый ответственный момент.

– Папа, папа, почему она кричит?

– Ты убиваешь ее? В спальне?!

– А говорил, мы в доме никого не убиваем!

– Зачем ты закрыл ее одеялом? Она же еще кричит!

Лера пыталась, честно пыталась заткнуться, но, насаженная на здоровый, пульсирующий и все еще пытающийся оттрахать ее конец, не могла сдерживать произвольные стоны и судорожные вдохи.

– Вышли из отцовской спальни! Оба. Живо! – раздался суровый рык Владимира, а через минуту с Леры слетело одеяло, он перевернул ее задом и резко задвигался, убивая ее каждым ударом.

Теперь их крики переплелись, ее, мучительный и тонкий, его, освобожденный и победный.

Утром он снова не был разговорчив. Передал ей свой банный халат, в котором она немедленно утонула, и отправил в гостевую комнату.

Лера, на подкашивающих ногах, мотаясь и путаясь в халате, почти вышла из спальни, когда Владимир остановил:

– Сегодня принесут одежду. Не знаю, насколько затянется проверка, но я подослал человека к твоему мужу.

Губа непроизвольно задрожала. Лера обернулась, неслышно прошептала «спасибо», но он прочитал по губам. Сдержанно кивнул и отвернулся.

Мия была подавлена. Играть отказалась, книжку слушать не захотела, ела без аппетита и не обрадовалась принесенным новым вещам.

Валерия развлекала ее как могла. Они сходили в душ, потом просушили волосы. Лера заплела косички, заделав резинками, потом они перемеряли много новых вещей.

Валерия удивилась. То, что на Мию был куплен полный гардероб, её обрадовало. Значит, Владимир держит слово. Но почему и на Леру купили так много одежды? Ведь они оба знают, что надолго она не останется... Тогда зачем?

Но чистые вещи без истории о прошлой жизни подняли настроение и расположение духа, только ненадолго. Со стороны ворот послышались сигналы автомобилей и выстрелы.

Всё разом изменилось.

В комнату вбежали два бандюгана Владимира, неделикатно схватили Мию и Леру, жестами требуя молчать, и поволокли их через вереницу коридоров куда-то вниз, в подвальное помещение, спрятанное за толстыми бетонными стенами.

По дороге Мия попыталась выразить протест, но сопровождающий зажал ей рот ладонью и понес дальше. Как только Лера очутилась в подвале, сразу прижала к себе Мию, успокаивая ее, обнимая, что-то обещая на автомате, только бы она не редела белугой.

Если это приехал Анатолий... За ними... То это последний день их жизни.

Зачем Владимир так тянул?

Через минуту тяжелая дверь снова открылась и к ним присоединились два мальчугана. Мия сразу замолкла, с удивлением разглядывая мальчиков, похожих друг на друга как две капли воды.

- Эта та самая, которую папа не убил, - вдруг заговорил один мальчик, а Лера густо покраснела от его слов.

- А эта мелкая - твоя дочь? - спросил второй.

- Да! - вступила в разговор Мия, мешая Лере хоть что-то ответить. - Меня зовут Мия, и мне пять лет. А как зовут тебя и этого?

Валерия осторожно оглядела двух мужчин, оставшихся с ними внутри подвала. Оба стояли с оружием наготове, с наушниками в руках и уткнувшись в рации.

- Я Ден, а брат - Дим.

- Дим - это Дима? - уточнила Мия, отодвигаясь от матери, поправляя подол нового платья и подходя к мальчикам. - А что вы тут делаете?

- К папе плохой человек приехал, вот он нас и спрятал, - подал голос Дим.

- Значит, и нас спрятал от плохого человека, - заключила Мия, а потом задала вопрос, от которого по коже Леры пробежал мороз: - А ваш папа - хороший человек?

Дима и Ден тут же перевели взгляды с Мии на Валерию.

- Раз твоя мать до сих пор жива - значит, хороший, - заключил Ден.

- Или хреновый убийца, - засомневался Дима.

– Она еще маленькая девочка, – решительно прервала размышления пацанов Лера. – Давайте не будем при ней говорить про убийства.

– Ну ладно! А о чем с ней тогда говорить?

Но с учетом, что Мия безумно соскучилась без общения, искать темы не пришлось, они из нее сыпались как из рога изобилия. А вот Валерия прислушивалась к переговорам по рации и редким комментариям бандитов.

– Вошел в дом. В кабинете папы. Хотят пошарить... Шакал, из комнаты бабские шмотки – в мусорку, живо! Чисто. Чисто. Чисто. Выводим.

Лера догадалась, что визит мужа подошел к концу, но не поняла, сдаст их сейчас Владимир или нет.

На выходе из подвала их разделили. Детей повели на второй этаж, а Леру толкнули в сторону кабинета.

Она оглянулась в спину Мии, которая доверчиво вложила ладошки в руки близнецов и продолжала щебетать, возможно, упустив шанс последний раз посмотреть на мать...

Лера вошла в кабинет и увидела рассерженного Владимира. Заведенный и злой мужчина не предполагал легкого времяпровождения, но рядом не было Анатолия и ни одного из его приспешников! А это вселяло надежду.

– Твои новости подтвердились, – резко выдал Владимир, даже не делая попытки к ней приблизиться. – Но твой муж тебя хватился и ищет. Это плохая новость.

– Что ты будешь делать? – это единственное, что волновало Леру.

Владимир тяжело выдохнул, резко пошел к ней, заставив испугаться отступить. Он был слишком взвинчен даже несмотря на то, что ее слова подтвердились.

– Ты же остановишь его? Сможешь?

– Сомневаешься во мне? – пророкотал Владимир, хватая ее за локоть, дергая на себя так, что она потеряла равновесие и врезалась ему в грудь. – Ты мне должна, ты мне многое должна, – прохрипел он и впился в нее жестким поцелуем.

Его переход от злости к страсти оглушил. Только что Лера готова была принять его решение о выдаче их с дочерью мужу, и в следующее мгновение она лежит животом на столе, а Владимир пристраивается сзади, нетерпеливо задирая подол ее нового платья, разрывая тонкие кружевные трусы. Входит без подготовки, без предварительной ласки, под недовольный стон распятой им девушки, и вбивается со скоростью опаздывающего паровоза.

Лера придавлена его рукой, не в состоянии пошевелиться перед самой большой неопределенностью в жизни, под мужчиной, с напором берущего сопротивляющееся тело. И она не может расслабиться, напряжение сковало все: мысли, тело, мышцы, которые сопротивляются чужому вторжению.

Почему секс не может быть всегда приятным и головокружительным? Почему сейчас Владимир не попросил не сравнивать его с мужем? Именно сейчас он был очень похож на Анатолия, такой же бесчувственный, грубый и упорный в достижении цели.

И если с мужем Лера знала, когда пришло время симулировать оргазм, то с Владимиром боялась... Он знал, как она кончает! А если сейчас, даже сквозь бешенство и злость, почувствует, что она фальшивит? Не будет ли ей только хуже?

Поэтому она лежала на столе, придавленная его рукой, и старалась расслабиться, чтобы неприятные ощущения внизу не были так мучительно болезненны.

Владимир матюгнулся, отступил, через минуту поднял ее, позволяя поправить платье.

– Идем в спальню.

Значит, разговора не получится, пока он не трахнет ее. Но и не выдаст мужу, пока сам не кончит. Но Лера знала, что должна остаться, должна спасти дочь.

На втором этаже было подозрительно тихо. Она только могла надеяться, что Мия под присмотром. Спрашивать сейчас Владимира не имело смысла, пока он не сбросит напряжение. Но в спальне он только кивнул на кровать и скрылся в душе.

Лера ждала, а когда он вышел голый, мокрый, с полотенцем на бедрах, почувствовала предвосхищение. Глупо желать того, кто в конечном итоге убьет тебя?

Наверное.

Но вопреки логике Лера его хотела.

Один темный влекущий взгляд, один прерванный вздох, и мужчина нависает над ней, интуитивно находя и раздвигая губы, опьяняя наглыми движениями языка, распаяя нескромными поглаживаниями рук, заставляя извиваться и просить большего.

И словно не было той злости, не было грубого секса в кабинете. Владимир воспламеняет ее желание, делает жадной до ласк и откровенной близости.

Она дважды предала мужа.

Первый раз, когда сбежала к его врагу.

Второй, когда по доброй воле захотела ему отдаться.

И отдалась!

Глава 3. Расплата

- Гандон! Для него деньги не пахнут!

Валерия промолчала. Она знала, что для Владимира они тоже не пахнут, может, он просто не оказывался перед сложным выбором: отравить весь город, или потерять огромную сумму.

– Я не смогу взорвать склад с вакциной. И не смогу уничтожить лабораторию. Это сразу же даст резонанс к войне между нашими бандами.

Тут Валерия согласилась, подтягивая к себе ноги и обнимая колени.

Сейчас, после секса, она расслабленно полулежала в его постели и смотрела, как мужчина мечется, кидаясь угрозами в адрес ее мужа. Оргазм вместе с пониманием, что Владимир ее не выдаст, был сродни многократному оргазму. Поэтому теперь Лера не волновалась и не дрожала перед его решением.

Каким бы оно ни было – оно будет на пользу!

– Мы утопим город в крови, тут же налетят гастролеры и живодеры... Нет. Не вариант.

– Ты знаешь, как победить его без войны, – тихо вставила Лера, а Владимир остановился, как-то по-особенному глядя на нее.

– Знаю...

– Тогда не тяни с решением, просто сделай это.

Он перевел дыхание, сел на край кровати, спиной к Лере, нащупал под одеялом ее лодыжку и подтянул к себе.

– Ты знаешь, как я потерял жену?

Лера не знала. Она помнила, что Владимир был на их свадьбе, но не помнила женщину с ним. Знала от Анатолия, что когда-то они были вместе, левой и правой рукой одного главаря. Потом что-то случилось и произошел раскол, на территории стало две враждующих банды, которые возглавили бывшие друзья и партнеры.

Не та тема, о которой любил откровенничать Анатолий. Не тот вопрос, который готова была поднимать Валерия.

– Мы с Толяном имеем богатое прошлое... Учились вместе в школе, жили в соседних дворах, потом заканчивали техникум. Один. И пошли работать к одному и тому же человеку, – Владимир вздохнул, погладив икру Леры, но не пытаясь ни повернуться к ней, ни подпустить ближе.

Так она и сидела почти рядом, но за спиной. Близко, но смотря ему в затылок и не видя выражение лица.

– И девушку мы любили... одну. Карину.

Лера вздрогнула. Она вспомнила это имя. Оно вырезано на подкорке ее мозга! Оно вызывало ужасные воспоминания, связанные с особой жестокостью Анатолия. Были черные дни, когда он напивался и жестоко трахал ее, неизменно обращаясь к ней «Карина».

«Ты не должна была так уйти, Карина».

«Ты была моей! Всегда была».

«Ты конченная шлюха!»

А теперь выясняется, что Карина как-то связана еще и с Владимиром!

– Любили?.. Вместе?

Владимир только чуть-чуть повернул к ней голову:

– Случалось так, что и вместе. Она была своя девчонка, и мы не делили ее... Не могли поделить. И не понимали, насколько отношения с ней стали для нас серьезны.

– Насколько? – еще Лере хотелось знать, как Карина связана с историей жены Владимира. Но этот вопрос задавать было рано. Если он захочет – расскажет.

- Очень. Первая трещина в дружбе с Толяном пошла, когда Карина приняла мое предложение.

Теперь Владимир смотрел Лере в глаза, а та не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть! Карина - жена Владимира?!

- И что случилось потом?

- Естественно, я запретил какие-либо отношения с Толей. Встречи, общение.

- А он?

- Он... Не верил, что Карина выбрала меня. Я не знал, что он тоже сделал предложение. Потом она забеременела, родила мальчишек, первые два года провела в деревне с матерью. Тут как раз начался замес, я не мог рисковать Каро и пацанами. Решил, что им лучше отсидеться.

Лера молчала, нервно стискивая одеяло и боясь прервать историю.

- А когда Толян женился...

- На мне?

Владимир кивнул, снова отворачиваясь.

- Я думал, его обида прошла.

- Нет.

- Нет. Карина вернулась, когда мы уже поделили людей и территорию. Когда Толян ждал наследницу...

- Мию?

- Да. Я был уверен, что теперь каждый из нас получил то счастье, которое заслужил.

- Он не любил меня. Но он очень привязан к дочери, - прошептала Лера.

- Не буду спорить, хотя, мне кажется, он привязан к месту. Ты же знаешь, что мы либо с кровью вырезаем себе право занять место главаря, либо передаем по наследству.

Лера кивнула. Она всегда боялась, что ее дочь с рождения будет нести карму криминального мира своего отца. Мия не сможет быть простой девочкой, школьницей, студенткой. Нет. Она родилась принцессой банды. И это клеймо на всю жизнь. Причем срок жизни может оказаться очень коротким.

- Я не предполагал, что он выкрадет Каро.

- Что? - сердце Леры рухнуло. - Он украл ее?

- Он продолжал биться за место под солнцем. Надавить на меня, забрав самое дорогое - это очень в его духе.

- А дальше?

- Я вернул себе тело Карины. И поклялся вырезать сердце бывшему другу.

Вот теперь решение Леры прийти за помощью к Владимиру выглядело совсем иначе. Как и появление в этом доме Анатолия. Муж был уверен, что это месть!

- Я никогда не была его сердцем...

Голос Леры дрожал, ведь она уже сдала Мию бандиту. Она уже показала слабость мужа. Но Валерия предала мужа, чтобы спасти дочь, а не потерять их обоих!

- Мне все равно, что случится с ним. Спаси Мию! Прошу тебя своей жизнью - спаси!

Владимир импульсивно повернулся, сграбастал Леру и прижал к груди.

– Ты же понимаешь? Понимаешь? Ты не должна была приходить ко мне! Сейчас я словно сам убиваю свою женщину. Снова. Я не могу убить тебя. И не могу оставить в живых.

– Я понимаю. Или я, или Мия...

– Да, Лера. Предательниц не прощают. Банда не примет меня, если будет знать о твоём предательстве. Снова и снова они будут подсылать киллеров, пока не вгонят пулю тебе и дочери. Мия перестанет считаться наследницей, ведь от предавших женщин дети не признаются. Они убьют вас рано или поздно. А я погрязну в многолетней войне, пока не перебью всех псов, желающих занять место Толяна.

Лера больше не отвечала, она плакала. Знала, что именно так и закончится ее жизнь, но подходить к финалу было невыносимо больно.

– Поклянись, что сбережешь Мию, вырастишь как свою дочь!

– Я выращу ее как принцессу.

Владимир был нежен в последней страсти. Осушал ее слезы поцелуями. Клялся, что ее жизнь не будет напрасной, что это не месть, что ему больно отпускать ему.

Утром отпустил к дочери.

– Или выбери, или попрощайся.

– Что выбрать? – тусклым голосом переспросила Лера, обнимая себя руками, чувствуя болезненное состояние.

Это так странно, в двадцать пять лет найти мужчину, которого смогла бы полюбить, с которым была бы счастлива, и который убьет ее, чтобы выкупить жизнь её дочери. Владимир до последнего не отпускал Леру от себя. За эту ночь он пустил ее в свою душу, дал почувствовать свой постоянный страх одиночества. После Карины он не сближался ни с одной женщиной.

- Почему я?

- Хотел... самоутвердиться, - хмыкнул он. - Поиметь жену врага. Это очень щекотало либидо. Я уже придумал, через какие круги ада пропущу тебя, прежде чем брошу, истерзанную, к его ногам.

Лера вздрогнула, прижимаясь теснее к его напряженному телу, все еще в испарине после яростного секса.

- Но ты этого не сделал. Почему? Я же сама сдалась тебе. Сама пришла и просила.

- Я разглядел в тебе очередную жертву Анатолия. Ты повторяла судьбу Карины, только в более изощренной форме. Еще совсем девочка, попавшая в мясорубку.

- Ты меня пожалел?

Владимир ответил поцелуем, потом дотронулся пальцем до припухшей губы и тихо спросил:

- Скажи честно, ты первый раз кончила с мужчиной?

Она опустила глаза, но сказала твердо:

- Я первый раз кончила с тобой.

- Девочка моя...

И он снова подарил ей волшебство, о котором она могла никогда не узнать. Чувствовать на себе грубые мужские руки и растекаться от их нежности. Вдыхать мускусный мужской запах и наполняться восхитительным предчувствием. Испытывать стыд и удовольствие одновременно от игры его языка по плоти.

Нет, она не жалеет о принятом решении.

- Когда? - спросила она под утро.

- Вечером.

- Отпусти меня попрощаться с Мией.

- Выбери, или попрощайся.

- Что выбрать?

- Ты или она. Я смогу спасти одну.

На секунду она поверила, что сможет уговорить его сохранить жизнь им обоим, но не успела даже открыть рот, как Владимир покачал головой.

- Я смогу вытащить только одну. Вторая должна уйти с Толяном. Иначе не поверят. Или ты, или она.

Валерия кивнула. Не удержалась, прижалась к его груди, последний раз вдохнула его запах, впитывая его силу, уверенность. Она сможет. Ради Мии, сможет.

Да и какая у нее будет судьба, если она за нее отдаст жизнь своего ребенка?

Владимир не оставит ее рядом как доказательство измены и предательства. А жить вдали от него, предав мужа и дитя - не будет у нее жизни. Она понимала. И он понимал, наверное поэтому долго не отпускал, продолжая прижимать к себе и целовать в макушку.

- Как это будет?

- Быстро.

- А Мия?

- Тоже будет там. Это ее наследство. Она должна видеть и знать, что в нашем мире бывает за предательство.

- Я могу написать ей письмо? Пусть она прочитает его, когда станет взрослой. Пусть знает, почему я на это пошла.

- Нет. Она простит тебя, но обвинит меня. Я не хочу, чтобы вражда возобновилась спустя много лет между моими мальчиками и твоей дочерью. Я предпочту похоронить правду.

И тут Валерия вынуждена была согласиться.

- Что ты сделаешь с вакциной?

- Не переживай. И вакцину, и вирус утилизирую. Никто от этой заразы не умрет.

- Спасибо тебе. За все.

Она ушла. У нее оставался только один день, чтобы вобрать в себя как можно больше воспоминаний о дочери. Чтобы успеть остаться в ее памяти и согреть, когда ее не станет.

Но Мия категорически отказывалась сидеть в комнате под присмотром няни или матери. Она рвалась к новым друзьям, к мальчишкам-близнецам.

- Я хочу с ними играть! С тобой скучно!

- А когда меня не станет, ты будешь скучать по мне?

- А где ты будешь?

- В другом месте.

- Я просто попрошу папу привести тебя.

- И папы не будет.

– Тогда их папу попрошу! А сейчас пусти меня поиграть к ребятам!

Вечер настал как-то очень быстро.

Им внесли ту одежду, в которой они пришли в этот дом несколько дней назад. У дома выстроились в ряд несколько бронированных крузаков. Леру посадили отдельно от Мии. Владимир посмотрел на нее, и она кивнула. Нет, не передумала. Жизнь Мии – важнее.

Он отвернулся и сел в другую машину. К ее дочери.

Особняк Анатолия брать приступом не пришлось, Валерия вышла и открыла ворота, зная внутренний код замка. Другим кодом отключила сигнализацию, поэтому бойцы окружили дом без лишней паники.

Владимир зашел в особняк врага с главного хода, с уверенностью хозяина, а не гостя.

– Какого хрена ты здесь делаешь?!

Анатолий быстро обнаружил вторжение.

Валерия с удивлением оглядела собравшихся в огромном приемном зале гостей. У Анатолия определенно был семейный сбор. Дальние родственники с семьями, дядя, двоюродный или троюродный брат с женой. Еще пара незнакомых мужчин.

Лера сразу повернулась к Владимиру, тот нахмурился, но планы менять не стал.

– Ты, кажется, потерял кое-что.

– Лера? Ты же сказал, что не брал её!

Вот всегда у ее мужа так. Как будто ее можно взять. Хотя... Жену Владимира он взял.

– Нашел по дороге сюда. Решил вернуть по старой дружбе.

Анатолий внимательно осматривал Владимира, стоящую рядом Валерию в окружении верных и вооруженных бойцов. Он не знал, что дом оцеплен и все его охранники уже не придут и не помогут.

- Где дочь?

- О, не волнуйся, малышку тоже нашел. Приведите, - тут же распорядился Владимир, делая шаг к Анатолию. - Они заблудились и как раз искали дорогу домой, когда я им помог, чтобы они помогли мне. Ты же так редко зовешь меня в гости, друг.

Один кивок головы и с боковых входов вбежали дополнительные бойцы, быстро отделив Анатолия от его гостей. Их поставили на колени у стены. Анатолий остался стоять перед Владимиром.

- Тварь! Значит, ты воспользовался моей женой? Так низко отомстил за Карину?

Сердце Леры заныло, понимая, сколько старых обид скопилось между двумя мужчинами, но ее муж даже здесь пытался ударить Владимира побольнее, раскочевать, надавить на незаживающие раны.

- Я ничего и никогда не беру насильно, Толь. Тем более женщин и детей.

В этот момент в дом ввели Мию, и она сразу же закричала, увидев отца:

- Папа! Папочка!

Она вырвалась из рук головореза и рванула к отцу, но Владимир перехватил ее за шкуру и рывком вернул назад, в лапы неуклюжего бойца.

- Я не беру насильно, но могу помочь принять им правильный выбор. На колени.

Он достал пистолет и наставил на Анатолия. Тот нервно сглотнул, кадык дернулся.

- Какого хрена, Вовчик? Так дела не делаются. Ну? Давай порешаем?

Владимир толкнул Леру к мужу, жестом приказывая подчиниться. Валерия покорно опустила голову, не сводя взгляда с дочери.

– Не заставляй повторять. Мне, собственно, все равно в каком порядке вы сдохнете.

– Володь...

– На колени!

– Володь, если дело в деньгах...

– Нет.

– Из-за бабы? Ну возьми взамен мою, если еще не взял, – пренебрежительно хмыкнул Анатолий, а Лера беспокойно перевела взгляд на Владимира.

Ведь так нельзя? Или можно?

– Какая ценность в том, чем ты разбрасываешься, Толь? Взять ее?

Владимир дернул подбородком в сторону Валерии, потом посмотрел на нее впервые, как они выехали из его дома, и взгляд потяжелел. В нем застыла боль, невыносимая, но необходимая. Владимир держался, потому что привык не показывать слабости. Но Лера видела, как его выворачивает от происходящего.

Цель не всегда оправдывает средства. Они оба знали, что делают это ради жизни многих детей, ради жизни Мии, ради спокойного детства его мальчиков. Но от осознания этого легче не становилось.

Лера посмотрела на дочь, которая словно отвлеклась от происходящего, с удивлением разглядывая что-то под потолком, где Анатолий оставил незакрытые балки, хвалясь их сложной архитектурой.

Почему в последние минуты, когда Лера еще может прикоснуться к Мии взглядом, дочь даже тогда ловит ворон под потолком?

Ребенок! Она очень быстро забудет мать и будет жить другими эмоциями.

Но это главное. Пусть живет!

– Возьму. Я не могу пустить тебе пулю в лоб, не отняв всё до последнего.

Это явно было против плана, когда Владимир шагнул к Валерии. Бойцы перегруппировались, наведя три ствола на Анатолия, пока их главарь склонился над чужой женой, грубо перехватил волосы у корней и всосался в губы грубым поцелуем.

Так выглядело для всех, но для Леры и Владимира это было прощанием и прощением. В поцелуе не было жестокости, только томление и нежность. Он отпускал её, но уже скучал по ней.

Она открыла глаза, чтобы последний раз запечатлеть образ Владимира, и только тогда увидела, что так привлекло под потолком Мию!

Высоко над ними, оседлав балку верхом, сидел парнишка. Видимо, сын одного из приглашенных гостей. Кто он, Лера не знала, но понимала, почему он притих и делал знаки молчания для Мии.

Владимир не оставит ни одного свидетеля! Никто не должен знать, что Лера убегала из дома, их должны найти здесь вместе с мужем, тогда никто из банды Анатолия не посмеет не признать наследие Мии.

А те, кто попытаются оспорить, будут иметь дело с Владимиром. Тот почти бескровно возьмет обе банды под контроль.

Но мальчишка мог нарушить все тщательно продуманные планы.

Лера дернулась, впиваясь взглядом в потемневшие глаза Владимира:

– Пожалуйста!

– Будет быстро, – прошептал он, увидев в глазах Леры мольбу и тревогу. – Прости.

Он не позволит ей мучиться. Убьет первой и сам.

Выстрел даже для него прогремел оглушительно. Мия завизжала, и Владимир жестом потребовал убрать. Он потом проведет с ней воспитательную беседу, а пока аккуратно положил на пол обмякшее тело девушки, которая оказалась настолько храброй, что пришла к нему и ради жизни других детей отдала свою...

Как когда-то его и сыновей-близнецов спасла Каро. Она тоже предпочла умереть, но не стать пропуском для Анатолия.

– Вот теперь, Толь, твой черед. Я хочу, чтобы ты знал, твоя дочь останется при мне. Я воспитаю ее и выдам замуж за одного из моих парней. Навсегда похороню вражду между нами и бандами. Так что умрешь ты, зная, что без тебя мир будет чище и спокойнее.

– Стой. Погодь. Если дело в деньгах...

– Нет. Дело в методах, Толь. В том, как ты ведешь бизнес на нашей территории. Я устал вальсировать с тобой, зная, что в любой момент ты используешь грязные методы. Я благодарен Лере, что она пустила меня в твой дом, иначе сколько бы мы еще скалились друг на друга?

– Она дура!

– Нет. Тебе досталась удивительная девушка, с большим сердцем, но ты, слепой гондон, даже не смог этого увидеть, не только оценить. Была бы моя воля, я влил тебе в вены всю заразу, что ты наварил в лаборатории, а следом – вакцину. И дал бы тебе шанс выжить после этого.

Анатолий встрепенулся, внезапно догадавшись, что Владимир здесь не просто так, и не по старой обиде.

– Откуда ты знаешь?.. Значит, эта тварь слила меня? Я так и знал! Слила?

Бешенство Толяна уже не имело значения, ведь Леры больше не было.

– Я знал! Знал! Но какова? Пошла к тебе? Тварь. Еще и девчонку прихватила!

– Да. Это она вынесла тебе приговор, – тихо произнес Владимир, навел ствол и выстрелил в сердце, а когда Толян, заклятый друг, перестал дергаться в конвульсиях, сделал второй, контрольный выстрел в лоб.

Вот и все. Их история закончилась.

Теперь Владимир напишет новую. Для Мии и своих сыновей.

– Зачистите тут всё. Ни одних ушей и ни одного языка не оставлять! – рявкнул он своим и бросил на грудь убитого главаря свою метку.

Уже завтра все в городе будут знать, что это его территория! И он за нее перегрызет глотку любому.

Глава 4. Рассвет

В машине надрывалась криком девчонка. Это было знакомо. Нервный срыв, шок от очередных потрясений.

Владимир помнил все по своим мальчишкам, будто это было вчера. Хотя они были мельче.

Он взял мордашку Мии и повернул к себе:

– Теперь ты живешь и слушаешься меня. Не будешь слушаться – убью как мать.

Последний всхлип и вполне осознанный кивок.

Умница девочка. Дома их ждёт педиатр, он накачает ее успокоительными и всем, чем надо для здоровья. А пока поскорее бы свалить отсюда.

Дома сдал девчонку в руки врача, свистнул парней.

- Эта девочка теперь будет жить с нами. С ней не драться, не дразнить, не задирать. Понятно? Считайте, что она ваша сестра.

- А ее мать где? - влез Ден.

- Убил, - глухо ответил отец.

- Ага! Я же тебе говорил, что рано или поздно он ее прикончит!

- Заткнитесь оба! И позаботьтесь о девочке. Про мать при ней не говорить.

И вот тогда он остался один. В четырех стенах своего склепа.

Только сейчас, после того как из него вышла Лера, он стал еще невыносимее.

Утром дико болела голова, но жалеть себя было некогда. Важно вовремя перехватить новости, подавить первую волну бунта, сразу утрясти в полиции и забрать метку, а потом - рейд по лабораториям и складам.

Пройдет несколько месяцев, пока он проинвентаризирует территорию Толяна и наследство Мии.

Ведь он не врал насчет ее будущего. У него растут два парня, и каждому захочется возглавлять свою территорию. Одному он оставит то, что нажил сам. Второму отойдет Мия и ее наследство. Уж братья точно не будут между собой драться. Скорее, объединят усилия. Только на это Владимир и надеялся.

В столовой ждал писчий.

- Что по вчерашнему?

Тот мелко закивал.

- Все нашли, всех опознали. Помощники Толяна сообразили, что к чему, некоторые уже на встречу просятся.

- Дело. Запиши. А что другие?

- Притаились. Говорят, нечистое дело.

Владимир поморщился. У него осечек не бывает. Значит будут воду мутить. Жаль.

- Ты передал, что дочь главаря теперь моя подопечная?

- Конечно передал, Владимир Борисович. С первыми же петухами и передал. Мол, принцесса у нас. Пока вы опекун - будете заведовать делами. Замуж выдадите - дела мужу перейдут. Все, как полагается, передал.

- А они все равно сомневаются?

- Так мне из полиции позвонили... Говорят, тело жены не нашли.

Владимир дернулся, но удержал себя.

- Как не нашли? Куда она могла пропасть?

- Не могу знать, Владимир Борисович, только сомневающиеся подозревают вас в подставе. Мол, вы за старые обидки жену прикарманили и невестой прикрываетесь.

Черт! Вот это было плохо. Если бы он мог, то так бы и поступил. Но в их мире такого обмана не признают. А раз нет тела Леры - нет и доказательства честно занятого места.

Междоусобиц не избежать.

- Приведи всех, кто был на зачистке, - распорядился он.

Вряд ли кто из них сможет стать убедительным свидетелем, но вдруг и в его рядах затесалась крыса? Кому же понадобилось прятать Леру?

На ум сразу пришло упущенное воспоминание. Когда он выстрелил в нее, она дернулась и обмякла. Не было судорог и конвульсий. Он просто не придал значения. А может, стоило проверить?

Он не сделал контрольный. Просто не смог. Не в нее.

Зато теперь он может нарушить слово и из-за его халатности на Мию откроют охоту.

Полдня он гонял по городу, расставляя своих зрителей и закатывая хвосты. Даже не думал, что смена власти в криминальном мире так быстро можно повернуть. После свержения предыдущего, им с Толяном пришлось попотеть, доказывая свое право.

Теперь же большинство просто не сопротивлялись. Платили Толяну, теперь будут отстегивать Владимиру. Поставляли одному, теперь по тем же деньгам – будут другому. Обслуживали этих, теперь обслужат тех.

Запах всевластия нереально кружил голову. Это же теперь власть без оппозиции, полиция на побегушках, весь город под полным контролем и никакого сопротивления!

Вот только почему ничего его не радует?

Почему азарт погас?

Почему он мысленно постоянно возвращается к Лере и отдает приказ проверить каждую сточную канаву и канализационный колодец, прошарить все подлески, но найти – найти ее!

* * *

Мия довольно быстро влилась в их семью. Она игнорировала Владимира, но находила удовольствие в играх с парнями. Теперь шума, беготни и игр в доме стало больше. Догонялки, войнушка, прятки и «пол-лава» распространились по всему дому.

Все же разница в возрасте всего три года. Хорошо, что пока между ними детские игры.

Только однажды Владимир стал свидетелем ссоры и драки из-за Мии.

- Я первый предложил ей играть!

- Ну и что? Она сказала, что моя игра интереснее!

- Пошел ты!

- Сейчас получишь!

Это Владимира разозлило. Не хватало еще из-за девчонки рассориться близнецам. За все восемь лет он не мог вспомнить никакого раздора.

Пока Денис и Дима колошматили друг друга, не поделив девочку, Владимир в два шага оказался возле нее, достал пистолет и приставил его ко лбу удивленной, но совершенно не напуганной Мии.

- Если вы и дальше будете ее делить - я ее убью.

Мальчишки сразу же расцепились, ошарашенно поглядывая на Мию и отца.

- Всё? Предмет спора исчез?

- Да, пап. Мы больше не будем.

- Только не трогай её. Она наша.

Владимир перевел взгляд на девочку, собираясь той сделать наставление, что если она еще раз станет причиной ссоры между близнецами, то будет лично отвечать перед ним. Но наткнулся на глаза ее матери. Леры.

Горло сдавило, Владимир поспешно убрал пистолет и сбежал, так и не сделав девочке внушение.

Он обещал спасти город от отравления и кровавой войны? Он сделал.

Он обещал воспитать ее дочь как принцессу? Он справится.

Но тогда он еще не знал, что оставил в живых свидетеля кровавой расправы, что тело Леры не найдут, потому что она осталась жива, что близнецы, боясь за жизнь Мии, перестанут ее делить и будут играть с ней вдвоем. Сначала – в детские игры, а когда вырастут, их игры тоже станут взрослыми.

Часть 2. Между двумя бандитами

Глава 1. Детство

Не у всех принцесс сладкое детство. Но мое по большей части оказалось сладким, только с горьким привкусом.

Я не помнила мать, которая отдала свою жизнь за мою. Немного помнила отца, хотя, полагаю, он со мной проводил времени куда меньше, чем мать, но почему-то запомнился лучше.

Вся горечь моего детства сконцентрировалась на приемном отце Владимире Кострове. От меня не скрывали правду. Я знала, что мою семью убил Владимир. Я ненавидела его всем сердцем, всю агрессию срывала на нем. Надо ли говорить, что он не пытался сблизиться со мной или проявлять чуткость? Но при этом обеспечивал всем необходимым. Я жила как принцесса, но всегда помнила

свое место в доме убийцы.

И все же два брата-близнеца подслащивали мою жизнь как могли. Иногда делая ее сладкой до приторности.

Я очень отчетливо помню пистолет, приставленный к моему лбу Костровым и его ледяной тон:

- Если вы и дальше будете ее делить - я ее убью.

Это была последняя ссора Дена и Дима из-за меня. С того момента меня не делили, мной пользовались вместе, сообща. Играли мной вместе, и вместе определяли, куда я иду, с кем, в чем и что буду делать.

Нет, меня это не напрягало, парни были старше и с ними было весело. Они всегда придумывали очень прикольные забавы. И детство вместе с ними было очень интересным.

А потом как-то всё стало меняться. Мне было двенадцать, а им по пятнадцать, детские игры уступили место более взрослым. Тогда все было очень невинно и все еще по-детски.

- Почему ты его поцеловала, а меня нет? - возмущался Ден.

- Я сказала тебе спасибо!

- Мия, этого недостаточно! Целуй!

И я подошла, чтобы поцеловать его в щеку, как до этого поцеловала Дима, но Ден всегда был прохвостом, он резко повернул голову, а у меня случился первый поцелуй в губы. Тогда еще невинный, но с того дня простым «спасибо» мне уже было не отделаться.

Еще я помню свои пятнадцать лет, когда Костров неожиданно вспомнил обо мне. Всегда казалось, он забыл про меня, что я живу в его доме, но в день моего рождения я была вызвана к нему в малый кабинет.

Близнецы пошли со мной. Они вообще меня одну никуда не отпускали.

– Я вас не звал, – встретил нас Костров.

– Но ты позвал нашу принцессу.

– Вашу? – удивился Костров, надменно приподняв одну бровь.

– Ты сам отдал ее нам, – вмешался более сдержанный Дим, меня же, как обычно, никто не спрашивал. – Сказал, вот вам принцесса и полцарства в придачу.

– Кому-то одному из вас, – со вздохом откликнулся Костров и вперился в меня своими холодными непроницаемыми глазами. – Подойди.

Когда Владимир Костров, глава банды, приказывал, никто ослушаться не смел. Братья заткнулись, а я сделала нерешительный шаг в его направлении.

– Смелее, – усмехнулся он, вытянул руку и схватил меня за плечо, придвинув ближе. – Так похожа на мать...

Я не особо разбираюсь в интонациях мужчин, но в тот момент мне показалось, что он сказал это с грустью, как будто это не я, а он потерял мать! Хотя сам же ее и убил.

И вот тогда впервые произошло то, что меня напугало. Одно дело видеть и пробуждать интерес мальчишек, с которыми росла с детства, другое – заметить опасный огонек в глазах их отца.

В тот момент у меня похолодело внутри, и я дернула плечом, надеясь сбросить его руку и отскочить, но Костров не отпустил, внимательно всматриваясь в мое лицо, губы, пробегая взглядом по глубокому вырезу платья, опускаясь к груди, которой в пятнадцать я еще стеснялась.

Чем могла закончиться наша встреча, я так и не узнала, потому что темный взгляд Кострова не понравился не только мне, но и близнецам. Ден, как самый нетерпеливый, первым заступился, встав перед отцом и загородив меня спиной.

– Но она все равно наша!

– И никто не смеет претендовать на нее, – добавил Дим, оттолкнувшись от стены. – Так зачем ты ее звал?

Костров отступил. Он вручил мне подарок – права и ключи от моей первой машины, мы завизжали и рванули из кабинета учить меня вождению. Больше убийца моей мамы обо мне не вспоминал. Я навсегда осталась игрушкой его близнецов, хоть они и называли меня принцессой Мией.

В шестнадцать я закончила школу и поступила в универ. Конечно, в тот же, где учились братья. Теперь мы практически не расставались. До этого хотя бы по полдня не виделись из-за школы и успевали соскучиться, теперь же расставание совпадало только с парами в универе.

Тогда же произошел переломный момент в отношениях, когда я поняла, что все игры переходят в новую плоскость.

У нас у каждого была своя спальня, причем в соседних комнатах. Это давало ту необходимую личную свободу, которая нам требовалась. По крайней мере мне, девочке.

Но в мои семнадцать приватность была нарушена самым безапелляционным образом.

– Подвинься, – глухой голос Дена раздался, когда он уже влез в мою постель и сдвинул к середине.

Я заворчалась, недовольно бурча на неугомонного братца, и отодвинулась, когда он придавил меня своим телом.

– Эй, будете так толкаться, я свалюсь, – раздался голос Дима с другой стороны.

Вот тогда я распахнула глаза, резко проснувшись. Уже утро? Я проспала? Почему близнецы в моей постели?

Но, судя по темноте, была глубокая ночь. С двух сторон мою талию обвили мужские руки.

– Ложись! Что ты скачешь? – пробурчал Ден.

– Надо поменять кровать на более широкую, – недовольно добавил Дим.

И я осталась лежать между двумя плотно прижатыми ко мне парнями. Ничего такого не было, мы просто каждый день засыпали в одной постели и каждое утро просыпались в ней, но границы приватности так и не восстановились.

Дим уже на следующий день поменял постель на трех или даже четырехместный траходром, из комнаты Дена сделали качалку, комната Дима стала игровой и гардеробной, а моя комната... Да, она стала общей спальней.

В семнадцать некоторые вещи принимаются проще, без лишнего смущения. Например, утренняя эрекция с двух сторон. Я просто приняла, что такое с парнями происходит каждое утро. Обязательные поцелуйчики на сон и по пробуждению стали неотъемлемой традицией.

Они также с пониманием относились к моим критическим дням, не мучая меня и всячески создавая комфортные условия, чтобы я не куксилась. То грелку принесут, то массаж сделают. Я любила это время, когда могла капризно повелевать близнецами. Обычно мной помыкали они, но в эти дни госпожой была я, и они очень старались угодить.

Что я могу сказать о своем характере?

Полагаю, моя история сделала меня очень приспособленной. Я чутко улавливала моменты, когда могла проявить настойчивость и капризность, а когда должна уступить или даже пустить слезу, чтобы вызвать жалость. Я пользовалась всем, что облегчало мне жизнь.

Таким образом, с близнецами у меня были очень тесные, мягкие и бесконфликтные отношения. Нам, по сути, нечего было делить. Они никогда не просили того, что я не могла бы им дать.

А вот с личной жизнью у меня не сложилось.

О том, что в ней всегда были и будут только близнецы, я тоже узнала в восемнадцать.

То была моя первая взрослая вечеринка. Я выпросила Кострова снять мне кафе и оплатить ди-джея, позвала весь второй курс – других друзей для празднования дня рождения у меня не было. И, само собой, на вечеринке были близнецы.

Они старше на три года, учились на последнем курсе, что для моих сокурсниц было лакомым кусочком. Я еще помню, как небрежно уронила «развлекайтесь, парни, ни в чем себе не отказывайте», надеясь, что это станет и моим пропуском во взрослую жизнь. Но клянусь, я даже не думала, что попытка поцеловаться с парнем с нашего курса обернется для него сломанными ребрами и перебитым носом.

Тот парень почти сразу перевелся из нашего универа, а другие стали меня обходить стороной.

Так всё и осталось: я и близнецы. И больше никого.

Но я не чувствовала себя обделенной. Ден и Дим наполняли мою жизнь без остатка самыми разными переживаниями. И в восемнадцать я впервые поняла, что отношения между нами уже не детские.

К утру я лежала на груди Дима, когда в сон проникли протяжные эротические нотки. Я выгнулась, отдаваясь ласкающим губам и придвигая попку ближе к напряженному мужскому телу. Я не пыталась рассмотреть лица, скорее наслаждалась странным острым желанием, захватившим каждую клеточку.

К рукам присоединились горячие губы, мучительно впивающиеся жалящими поцелуями в кожу. Я не выдержала и застонала, сама себя выдергивая из сна...

– Ден?..

Я проснулась, но острое желание, а самое главное, ласки – никуда не делись. Сердце Дима под ухом стучало в бешеном ритме, а сзади к моей шее присосался

Ден.

Я дернулась, но его руки удержали бедра на месте, крепче прижимая к нему. Теперь я вздрогнула, почувствовав упирающийся в меня член. Да, я каждое утро видела их торчки, но раньше никак не связывала вот с этим сжигающим томлением в своем теле.

Дим приподнял пальцем мой подбородок, опалил темным взглядом из-под полуопущенных век и прижался к губам в жадном поцелуе. Мы и раньше целовались. Но не так...

Глаза сами собой закрылись, я вздрогнула от откровенной ласки Дена и наглого вторжения языка Дима и на некоторое время потеряла контроль над телом. Мне нравилось то, что они со мной делали!

– Вот чер-р-рт! – зарычал Ден, неожиданно прекращая ласки и грубовато впечатываясь в меня бедрами сзади.

Раздался тихий протяжный стон в изгиб моей шеи, а Дим тихо засмеялся:

– Слабак.

Ден сбежал в душ, а Дим еще некоторое время гладил меня и целовал, успокаивая взвинченные эмоции.

– Ч-ч-что это было? – тихо спросила я, чувствуя, как пульсируют набухшие от поцелуев губы.

– В свое время узнаешь, – также тихо ответил Дим, целуя последний раз и с огорченным вздохом уходя в душ к брату.

В свое время? Разве оно уже не пришло?

Я разочарованно потянулась, чувствуя странное напряжение внизу живота. Неужели критические дни придут не по графику? Поморщилась и начала привычный день. Завтрак, сборы, универ, обед и возвращение домой.

Вечером мы торчали в кинозале. Парни принесли новый блокбастер и вытащили меня с лекций.

– Эй, у меня послезавтра зачет! – упиралась я, но в руки вручили чипсы, посадили на диван, как всегда, зажав с двух сторон, и включили фильм, добавив громкости так, что от вибрации потряхивало внутренности.

Уже скоро рука Дена легла на внутреннюю сторону бедра, чуть сжала, чтобы я заметила. Я не могла не заметить, немного поерзав и сползая со спинки, чтобы не мешать движениям Дена.

После утреннего происшествия неудовлетворенность поселилась в моем теле, и я не понимала, как ее снять.

Чуть погодя рука Дима присоединилась к блюду на моем теле. Я забила на кино, закрывая глаза и разваливаясь на диване, позволяя их рукам творить со мной все что им хотелось.

В какой-то момент меня тряхнуло и я крикнула, сама напугавшись странной острой реакции своего тела на их прикосновения. Ничего не изменилось, мы втроем так и оставались в одежде, в темном зале, заполненном грохочущими звуками, на диване, обтянутом коричневой кожей. Я все также подставляла бедра под мнущие меня руки Дена и выгибала грудь под сжимающими её ладонями Дима, когда меня прошило снизу и скрутило от невыносимых спазмов.

Я задрожала, не пытаясь сдерживать крики, ослепленная непонятными, но такими приятными ощущениями внутри меня. Появилась радость второго рождения. Словно я слишком долго сидела в коконе, темном и тесном, а сейчас он треснул и я выбралась на свет, распуская и расправляя невероятно красивые крылья.

Но полета не случилось.

Спазмы утихли, а тяжесть внутри осталась, как будто я чего-то недополучила.

Парни молчали, хотя я по их дыханию слышала, что напряжение сковало не только меня.

– Может, сейчас? – глухо спросил Ден явно не меня.

– Отец нас за яйца подвесит, – также глухо произнес Дим. – Пока только так. До ее выбора осталось три месяца. Потерпим.

Вот тогда я поняла, что мне позволят вылететь из кокона не раньше девятнадцатилетия. Но с того дня таких двусмысленностей между нами становилось больше.

Я все еще ждала, что хоть один из братьев не выдержит и переступит границу, но оба близнеца держались стойко, перенося вместе со мной острую неудовлетворенность и возрастающую потребность.

Наверное, тогда я стала задумываться об отношениях между парнем и девушкой. Что существует что-то большее, чем дружба, совместное проживание и взаимные обязанности.

Близнецы готовили меня к взрослой жизни постепенно, чтобы я не пугалась, привыкала и принимала их рядом с собой как нечто само собой разумеющееся.

Я их принимала до момента, когда поняла, что от них можно получить большее. Вот тогда и мне пришлось изменить поведение, провоцируя братьев на срыв. Я же чувствовала, что, если хоть одного из них доведу до грани, второй сам слетит с катушек.

– Дядя Володя, я хочу пойти в группу поддержки, – однажды за семейным завтраком я пошла на крайние меры, привлекая главу семейства к своей персоне.

Костров оторвался от утренней газеты, поднял на меня взгляд, смерил от макушки до груди, задержавшись на дерзком вырезе платья. И, честно признаюсь, одно дело дразнить парней, которые облизываются на тебя, как на конфету, другое – привлечь внимание убийцы, которого я привыкла ненавидеть.

– Поддержки? – переспросил он отстраненным тоном.

– Да. Соревнования, выступления, акробатические номера...

- Нет, - выстрелил он и снова уткнулся в газету.

- Почему нет? - не унималась я.

- Потому что свернешь свою шейку, и по городу снова начнутся бандитские разборки, - подсказал Ден.

Отец же выключился из разговора, больше не вступая.

- Но я не настолько неуклюжая, чтобы приземляться на шею! - возразила я, чувствуя, как портится настроение.

Я в принципе не любила субботние завтраки и обеды, которые традиционно считались семейными, ведь только в эти дни мы собирались за одним столом с Владимиром. А теперь еще принимать ограничения, когда я настроилась прыгать три раза в неделю с девчонками с курса на спортивной площадке.

- Почему тебе не стать участницей конкурса красоты, Мия? - вмешался Дим. - Это так же престижно, но в разы безопаснее.

- Нет, - отрезала я. - Хочу в группу поддержки!

- У тебя нет нужной подготовки.

- А если ты сломаешь ногу или руку?

- Ты готова к синякам?

- Хочешь, мы сами тебя покидаем как мяч?

В ходе спора с близнецами я вынуждена была признать, что специальной подготовки у меня нет, но форма не настолько плоха, чтобы не попытаться пройти отбор!

- Так там будет отбор? - вдруг вмешался Костров, выдавая, что слушал весь наш спор.

– Да. В среду, – буркнула я.

– Хорошо. Сходи на отбор. Если честно пройдешь его, то будешь в группе поддержки.

Я боялась поверить!

– Но пап, а как же ее шея? – напомнил Ден, и тут же получил от меня ногой под столом.

– Вы тоже можете пройти отбор, чтобы ловить свою принцессу, – заключил Костров, встал из-за стола и покинул столовую.

С триумфом я отложила столовые приборы и осмотрела озадаченных парней.

– Вряд ли вы будете в восторге прыгать и трясти пипидастрами, но с понедельника начинают набирать группу баскетболистов. Можете пойти туда.

Но надо было знать моих парней, чтобы поверить, что они испугаются и отпустят меня от себя на три вечера в неделю.

В среду втроем мы стояли в забитом претендентами коридоре перед спортзалом, где проводился осмотр.

– Костровы Денис и Дмитрий, Костин Вадим, Левин Данил и Литвинов Кирилл. Заходите.

Ден с Димом с двух сторон вцепились в меня.

– Ну чего вы? Идите, – подгоняла я.

– Никуда не уходи, поняла?

– Куда я уйду? – вытаращила я глаза. – Здесь вас ждать буду. У меня же после мальчиков просмотр.

Братья ушли, а я нервно оглянулась вокруг. Здесь собрались очень сильные и подготовленные студенты. В прошлом гимнастки, балерины, танцоры. И я. Но я в себя верила!

Когда увидела довольных и ухмыляющихся мне парней, поняла, что они прошли. Что ж, осталось только мне доказать, что и я не промах.

– Арсеньева Дана, Баринова Марина, Боярова Мия, Васина Ольга и Войнова Екатерина. Проходите.

Я выдохнула, неуверенно улыбнулась близнецам и сделала шаг в спортзал.

Глава 2. Новичок

Она прошла. Как? Почему?

Абсолютно объективно я не попадала в ритм, не смогла сесть на шпагат, потом, конечно, потренировалась дома под насмешками близнецов, но перед отборочной комиссией не смогла.

Я физически уступала многим претенденткам, но меня взяли!

Теперь я шла в универ между своими парнями, лучась счастьем и строя планы на неожиданный драйв и разнообразие в моей жизни.

– А ты не хочешь спросить, прошли мы или нет? – сверкнул ухмылкой Ден.

– Конечно прошли! – вернула ему усмешку. – Я даже не сомневаюсь!

– Она в нас не сомневается, брат, – тут же съязвил Дим и получил о меня локтем под ребра.

– Вы же прошли?

Ответа не получила, мы как раз вошли в кампус универа. Ден развернул меня к себе, продолжая насмешливо лыбиться.

- Ты в надежных руках, детка. Всегда об этом помни, - произнес он низким голосом и наклонился, намереваясь поцеловать.

Я выпучила глаза. Одно дело дома целоваться с парнями, другое - под взглядами любопытных студентов всего универа!

Но моя попытка увернуться не сработала, Ден по-хозяйски обхватил своей ладонью мой затылок и уверенно притянул ближе, нацеливаясь в губы.

- Ден, не надо!

Проигнорировав, он смачно захватил губы, а потом и рот, не давая даже пискнуть. Он не торопился, словно специально растягивал, чтобы в универе не нашлось ни одного парня, кто не увидит, с кем я лижусь.

Конечно, мне никто ничего не выскажет, все знают историю предательства моей семьи их отцом, но формально мы все равно считаемся семьей. Они мне близки как братья, но вот последний год стали как-то ближе.

Не успела я додумать эту мысль до конца, как Ден отпустил меня. Я нахмурилась, взвешивая, стоит ли поцелуй ссоры с ним, когда сзади обхватили руки Дима, и я поняла, что сцена клеймения не закончена.

Моему возмущению не было предела! Ведь они оба не пытались замаскировать поцелуй под братский. А целоваться по-взрослому сразу с двумя парнями на глазах всего универа - это позволить думать студентам обо мне в корне неверно!

- Не-е-ет! - протянула я.

- Скажу тебе по-другому, - обольстительно начал Дим, удерживая перед собой за плечи. - Никогда не забывай, кому ты принадлежишь.

И без переходов и пауз впился в мои губы. Я мысленно застонала – это единственное место, куда я могла выдать свое недовольство.

Ну зашибись. Второй курс. Команда поддержки и близнецы, которые четко дали понять всем, что я занята. Дважды.

Мрак!

– Не могли оставить это за дверями дома?! – не сдержала я гневную отповедь, благоразумно отходя на три шага от парней.

– За дверями дома мы будем куда откровеннее в поцелуях, детка, – тихо засмеялся Ден, а меня пробрало от его низких вибрирующих ноток.

Вот черт. Они ведь чувствуют, что я завожусь от этой игры в ожидание.

Закусила губу, оглядывая обоих братьев, самодовольно оглаживающих меня взглядами, досадливо застонала и ушла.

– Ах, бедная сиротка, – встретил меня приторно-сладкий, насмешливый голос однокурсницы, состязающейся со мной на первую красавицу потока. – Теперь мы можем только догадываться, как утешают тебя в приемной семье два брата.

Моя ядовитая улыбка стала ответом:

– Обидно, что у тебя в напарниках только подушка, мокрая от слез одиночества.

– Это лучше, чем на два члена насаживаться, – громче и презрительнее отозвалась стерва.

Я подошла ближе. Не люблю показуху в таких делах.

– Хочешь сама насадиться? Я могу это устроить. Организую тебе оргию, чтобы заткнуть все дырки в твоём теле. А не хватит – вырежем новые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nevelichka_asya/zalozhnica-ubiycy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)